

Волшебная картина, неожиданная, чарующая душу! Алжир превзошел мои ожидания. Как прелестен этот белоснежный город при ярком дневном свете! Вдоль пристани тянется громадная терраса, поддерживаемая изящными аркадами. Над нею высятся большие европейские гостиницы и французский квартал, а еще выше взбирается по уступам арабский город — нагромождение причудливых белых домиков, прилепившихся друг к другу и разделенных улицами, похожими на светлые подземные ходы. Верхний этаж каждого здания подпирают ряды столбов, выкрашенных в белый цвет; крыши соприкасаются. Неожиданные спуски открывают доступ к жилым подвалам, таинственные лестницы ведут к жилищам, похожим на норы и густонаселенным арабскими семьями. Мимо величаво проходит закутанная в покрывало женщина с голыми лодыжками — не очень соблазнительными, черными от пыли, налипшей на потную кожу.

Вид на город с мола восхитительный. Восторженно любишь сверкающим водопадом домов, словно скатывающихся друг на друга с вершины горы до самого моря. Кажется, что это пенный поток, где пена какой-то сумасшедшей белизны; но вот пена как бы еще более гущается — то горит на солнце ослепительная мечеть.

Поразительный народ кишит здесь повсюду. Бродят бесчисленные нищие, кто в одной рубашке или в одеянии из двух ковров, сшитых вместе, наподобие ризы, кто в старом мешке с отверстиями для головы и рук; всегда босые и с голыми икрами, они бранятся друг с другом, дерутся вшивые, ободранные, вымазанные в грязи, пахнущие зверем.

Тартарен сказал бы, что от них несет «тэрком» (турком), и тут несет тэрком повсюду.

Затем здесь шныряет множество чернокожих ребят, помесь кабиллов, арабов, негров и белых, настоящий муравейник чистильщиков сапог, которые липнут к вам, как мухи: вороватые, дерзкие, порочные уже с трехлетнего возраста, хитрые, как обезьяны, они осыпают вас арабскими ругательствами и вечно пристают к вам со своим французским «*sie monsieur*»[1]. Они обращаются к вам на «ты», и к ним обращаются на «ты». Все здесь, впрочем, говорят друг другу «ты». Извозчик, которого вы останавливаете на улице, спрашивает вас: «Куда тебя везти?» Отмечаю это к сведению парижских извозчиков; по части фамильярности их здесь превзошли.

В день приезда я наблюдал один маленький эпизод, незначительный сам по себе, но который, однако, как бы суммирует историю Алжира и колонизации.

Когда я сидел в кафе, какой-то темнокожий мальчишка насильно завладел моими ногами и с бешеной энергией принялся чистить мне башмаки. После того как он тер их с четверть часа, придав им более чем зеркальный блеск, я дал ему два су. Он произнес: «*Merci monsieur*»[2], но не тронулся с места. Он продолжал неподвижно сидеть на корточках у моих ног, ворочая глазами, как будто в припадке. «Убирайся же, черномазый», — сказал я ему. Он не ответил ни слова, не шевельнулся, но затем вдруг прижал к груди свой ящик со щетками и пустился бежать со всех ног. И я увидел, как рослый негр лет шестнадцати показался из-за двери, за которой он прятался, и бросился за моим чистильщиком. В несколько прыжков он настиг его, дал ему затрещину, обыскал его, отобрал два су, положил их себе в карман и преспокойно удалился, посмеиваясь, между тем как ограбленный бедняга выл самым отчаянным образом.

Я был возмущен. Сосед по столу, офицер африканской службы, мой приятель, сказал мне:

— Полноте, здесь попросту создается своя иерархия. Пока люди недостаточно сильны, чтобы отнимать су у других, они чистят сапоги. Но как только они чувствуют себя в состоянии обирать более слабых, они бросают всякую работу, подстерегают чистильщиков и грабят их.

Мой собеседник, смеясь, прибавил:

— Почти все здесь поступают таким же образом.

Европейский квартал Алжира, красивый издали, вблизи производит впечатление нового города, выросшего в совершенно неподходящем для него климате. У пристани вам бросается в глаза вывеска: «Алжирский скетинг-ринг»; с первых же шагов вас поражает, вас смущает ощущение плохо примененного к этой стране прогресса, грубой, неуклюжей цивилизации, мало вяжущейся с местными нравами, с здешним небом и с людьми. Скорее мы сами кажемся варварами среди этих варваров, правда, грубых, но живущих у себя дома и выработавших вековые обычаи, смысла которых мы, видимо, до сих пор еще не усвоили.

Наполеон III сделал как-то разумное замечание (может быть, подсказанное кем-нибудь из министров): «В Алжире нужны не завоеватели, а просветители». Мы же продолжаем оставаться грубыми, неуклюжими завоевателями и чваниться своими готовыми истинами. Навязанные нами нравы, наши парижские дома, наши обычаи шокируют в этой стране, как грубые промахи, противоречащие требованиям эстетики, благоразумия, здравого смысла. Все, что мы ни делаем, кажется какою-то нелепостью, каким-то вызовом, бросаемым этой стране, и не столько даже ее коренному населению, сколько самой земле.

Спустя несколько дней по приезде я наблюдал в квартале Мустафа бал под открытым небом. Это был совершенно такой же праздник, как в Нейи. Те же лавки с пряниками, тире, лотереи, кукольный театр, упражнения с ножами, ясновидящие, женщины-рабы, приказчики, танцующие с продавщицами заправские кадрили, словно в Бюлье[3]; между тем как за оградой, в которую пускали только за плату, на широком песчаном поле, служащем для военного учения, сотни арабов, неподвижно лежа в своих белых лохмотьях под лунным сиянием, сосредоточенно прислушивались к рефренам кабацких танцев, отплясываемых французами.

Примечания

1 Испорченное французское выражение «*cirer, monsieur?*» — «почистить, сударь?»

2 Испорченное французское выражение «*merci, monsieur*» — «спасибо, сударь»

3 Бюлье — зала в Париже, служащая для собраний, митингов и публичных балов.

